

Т

ак получилось, что волею судьбы я, будучи курносой школьницей, а затем повзрослевшей студенткой, жила на одной лестничной площадке с Раисой Васильевной Кузнецовой, матерью известного поэта Юрия Поликарповича Кузнецова — Матерью с большой буквы, как того и заслуживает эта замечательная женщина. Жили мы по соседству в 70–80-е годы прошлого века в городе Тихорецке Краснодарского края, по улице Московской, в доме 187. Квартиру под номером 72 наша семья получила из-за сноса стоящего рядом частного строения. Для Раисы Васильевны соседняя 73-я квартира была долгожданное и очень желанное жилье. До этого она с детьми ютилась в одной комнате муниципального частного дома по улице Меньшиковой. И вот, подняв деток и выпустив их во взрослую жизнь, мать поэта получила только однокомнатную квартиру, правда в центре города, на третьем этаже.

К тому времени, как мы повстречались, Раиса Васильевна была на пенсии и не работала. В свои трудовые годы она директором открывала единственную в нашем городе гостиницу, затем, выйдя на пенсию, работала в этой гостинице администратором. Отец Юрия Кузнецова — Поликарп Ефимович — был подполковником, начальником 2-го отделения штаба 10-го корпуса 51-й армии. Он также возглавлял разведотряд. В книге С.М. Саркисяна «51-я армия. Боевой путь» упо-

минается об отце Юрия Поликарповича, о присвоении ему звания Героя Советского Союза за взятие Сапун-горы под Севастополем, где он и погиб.

После переезда Раисы Васильевны к дочери в Новороссийск в соседней квартире сменилось несколько хозяев, но я как сейчас помню необыкновенно звонкий, перебивчатый голос этой удивительной женщины, ее заразительный молодой смех. Несмотря на тяготы прожитой жизни (Раиса Васильевна одна воспитывала детей), она была большой оптимисткой, и именно это помогло ей выжить. От нее исходил какой-то лучезарный свет, и ее начитанность, рафинированная эстетность приковывали внимание окружающих. За всю жизнь мне повстречалось только два таких необычайно интересных человека — это моя учительница по литературе и русскому языку Лобанова Лидия Лукьяновна и Мать поэта.

Помимо тяги к книгам, газетам, любой информации, обладая при этом отличной памятью, Раиса Васильевна очень много времени уделяла дому, своему «гнездышку». В ее квартире всегда было чисто и уютно. Как сейчас помню, в одном углу стоял книжный шкаф, где хранились книги, большинство из которых были приобретены Юрием Поликарповичем, в другом — дефицитная по тем временам зингеровская швейная машинка. До сих пор берегу удивительно красивый фартук Раисы Васильевны, который она сшила собственными руками и подарила мне по случаю дня рождения. На цыплячье-желтом фоне красуются голубые чайник и чашка, которые соседка в виде аппликации пришила на карман. Фартук настолько хорош, что я, оберегая его, практически не надевала. Он и сейчас лежит у меня в шкафу как реликвия. Недавно я достала его и изумилась изобретательности соседки — пары чая, закручиваясь кольцами, составляли предел мечтаний всех курортников и не только — тонкими аккуратными стежками над чашкой вышито слово «Сочи». Читаешь и делается жарко, даже если за окном холодный зимний день. Чашка с горячим чаем становится реальной, а цвет фартука — цвет солнца, выбранный в соответствии с задумкой рукодельницы, привносит дополнительное тепло.

Раиса Васильевна очень любила цветы. Она трогательно относилась к ним, как к живым существам. В ее доме было много редких цветущих растений, которые возникали неизвестным образом. Возможно, они были привезены из Москвы, где в первую очередь появлялись новинки цветоводства. Помню, как на кухне у Раисы Васильевны стояла редкостная по тем временам цветущая роза с небольшими белыми цветками. А однажды зимним вечером она принесла горшок с распустьшейся гортензией. Глаза ее светились счастьем, а на лице сияла радостная улыбка.

Раиса Васильевна не могла переносить одиночества, тянулась к людям. Холодными зимними вечерами, когда и на улицу не выйдешь, она часто приходила к нам в гости, смотрела телевизор, разговаривала с мамой и, вспоминая свою внучку, рядом с нами, детьми, чувствовала себя комфортно.

Мои родители с большим уважением относятся к людям старшего возраста и соседям, поэтому они быстро сошлись. Раиса Васильевна была очень общительным человеком, тонким психологом, и разница в возрасте с родителями (лет 20) не имела значения. У мамы и нашей соседки было много общего: это дети, кулинария и болезни.

Она часто вспоминала, как воспитывался сын. К сожалению, рассказывала она не мне, и я знаю обо всем только со слов мамы. У будущего поэта была с детства огромная тяга к книгам. Он читал запоем все подряд. Иногда за неуспеваемость Раису Васильевну вызывали в школу. После очередного похода она «бралась» за сына. Маленький Юра усердно занимался, а на следующий день опять приносил двойки. Мама недоумевала: в чем дело? Ведь ребенок все время посвящает учебе. А когда Раиса Васильевна внимательно понаблюдала за сыном, то обнаружила под учебником книгу. Только докучливая мать уходила из комнаты, маленький Юра приподнимал половину учебника и начинал читать другую книгу. С появлением мамы учебник опять принимал первоначальное положение. Сколько Раиса Васильевна ни билась с сыном, все

Семейный снимок Кузнецовых,
крайний слева — отец,
крайняя справа — мама

было напрасно. Будущий поэт упрямо продолжал читать внеучебный материал весь день напролет, прихватывая и ночь. Тогда она оставила сына в покое, предоставив самому выбирать свою дорогу в жизни.

Книги, а их было в доме соседки много, Раиса Васильевна после очередной генеральной уборки раздавала соседям. Так у меня на книжной полке появились томики К. Ваншенкина, Р. Гамзатова, Л. Украинки. Это были книги, на которых рос и креп талант поэта! Была и толстая красивая книга в твердом переплете (подарочное издание) с блестящей, словно зеркало, обложкой — теория стихосложения для детей, грамматика стиха, которую, видимо, изучал маленький Юра. Однажды в холодный осенний день, когда я заболела, решила ее прочитать. Но, к сожалению, она мне показалась неинтересной, излишне заумной, и я отложила книгу в сторону. А ведь мой земляк был такого же возраста, как и я, но склонности у нас были разные.

Нашу соседку беспокоила личная жизнь сына. Женился он сравнительно поздно. Когда же, наконец, обзавелся семьей, Раиса Васильевна очень сокрушалась, что сын целый день на работе и поест-то ему некогда, что с его занятостью некогда и о доме подумать.

Однако о матери он помнил всегда и часто присылал дорогие лекарства. У Раисы Васильевны была гипертония, как и у моей мамы, с той только разностью, что у мамы эта болезнь наследственная, а у Раисы Васильевны приобретенная с годами. Давление на большом неуклюжем тонометре с грушей одному измерять крайне неудобно, поэтому мама и Раиса Васильевна по очереди делали друг другу замеры. Мама как законченный гипертоник помогала разобраться свежее испеченному больному в сонме лекарств, присылаемых заботливым сыном.

Раиса Васильевна была большой мастерицей по части кулинарии, знала массу свежих рецептов, которыми щедро обменивалась с другими. Особенно она любила выпекать различные мучные изделия. Иногда три соседки по нашей лестничной площадке вместе с Ивановой Валентиной Сергеевной по очереди угощали друг друга выпечкой, удивляясь необычными кулинарными изделиями Раисы Васильевны.

О том, что наша соседка — мать известного столичного поэта, мы узнали не сразу, и эта новость не изменила нашего отношения к ней. Мои родители равно относились и к простому человеку, и к известному, главное, чтоб человек был хороший. Отношение соседей к Раисе Васильевне также было очень добрым и теплым, как, впрочем, того и заслуживал этот на редкость деликатный и обаятельный человек.

Подъезд наш находится в середине дома, родители по причине скорого сноса нашего дома сами выбирали себе квартиру. По их мнению, в этом подъезде и соседнем были самые выигрышные по части планировки квартиры. Мы соседствовали

как с простыми рабочими, так и с различными начальниками, учителями, завучем школы, директором банка, скульптором В. Киселевым, поставившим памятник героям Великой Отечественной войны, а также с семьей с художественной фамилией Айвасович.

Но, как часто бывает, судьбы рядом живущих людей складываются далеко не всегда одинаково. И Раисе Васильевне иногда слава сына на фоне менее благополучных соседей, излишние разговоры о его известности были в тягость. «Ну кто я такая, чем заслужила такую милость быть счастливее других?» — так, я думаю, рассуждала эта скромная женщина. Когда соседи порой говорили, что слышали по радио или видели по телевидению (было и такое) выступление Юрия Поликарповича, то Раиса Васильевна только и могла что в ответ улыбаться. Но улыбка ее совсем не свидетельство довольствования выпавшей долей, а скорее — защитная реакция.

Надо сказать, что настоящая слава пришла к Юрию Поликарповичу довольно рано, в тридцать три года, после выхода в Москве его второй книги «Во мне и рядом даль». Наш земляк не вошел, а смело ворвался в советскую литературу и в своем движении напролом привлек к себе внимание как единомышленников, так и недругов. Соседка не могла не чувствовать этого, очень волновалась и переживала за сына.

Как относился сам поэт к матери и чем она была для него, можно только догадываться... А пока все по порядку. Первая встреча с Юрием Поликарповичем была для меня неожиданной. К тому времени я уже знала, что у нашей соседки сын — известный поэт, но встретиться с ним не было возможности, так как Юрий Поликарпович был, видимо, очень занят и совсем не располагал временем для поездок. Возможно, наш земляк и бывал на родине, только я его не видела. Знаю, что сама Раиса Васильевна часто бывала в Москве. Только помню, как однажды летним жарким днем у соседской двери возникла крепкая фигура неизвестного мужчины. Он долго звонил в соседнюю квартиру, а потом решил позвонить к нам. Родители объяснили незнакомцу, что Раиса Васильевна у дочери в Новороссийске, и гостеприимно предложили подождать ее у нас. Юрий Поликарпович до приезда матери целых два дня жил в нашей квартире!

Отец мой взял отгул, и два дня напролет за щедро накрытым столом двое мужчин разного возраста и жизненного уклада обсуждали глобальные проблемы современной истории. Отец всегда интересовался историей, с большим любопытством проникал в ее тайны, и время долгих стоянок под запрещающий красный свет своего любимого электровоза не тратил напрасну. Наш сосед тоже очень хорошо ориентировался в исторических перипетиях, и в пересечении знаний они пытались найти истину. Мне не приходилось с ними сидеть за столом, помню только возмущения жизнью, от которых веяло крамолой, и для меня, подростка, это было внове.

Надо вспомнить ту пору — время тихих шепотков, кухонных посиделок и оглядываний во время прослушивания затертых бобин Высоцкого. Это было время накопления недовольства, но наш земляк с его южным темпераментом не мог удержать бунтарский дух в стесненном состоянии.

Юрий Поликарпович одним из первых поднял такие темы, как сталинизм, захоронение Ленина, перестройка, гласность и другие.

«Гласность!» — даже немые кричат,
Но о главном и в мыслях молчат,
Только зубы от страха стучат,
Это стук с того света, где ад.
Я чихал на подобную гласность!

Очень дерзкие для того времени строки в стихотворении «Захоронение в Кремлевской стене». Каждое слово вбивается в сознание, как «ячейка, прогрызающая стену».

Смотри: идет, проклятем заклейменный
Последний, поименный штурм Кремля.
Нашел кирпич почетную замену,
Которую потомство не простит.
Ячейки с прахом прогрызают стену —
Она на них едва ли устоит.

И только благодаря свежему ветру перемен слово Юрия Кузнецова не вызвало острого негодования прессы, но мировоззрение его до сих пор находится под прицелом критиков.

Если позднесоветский гуманизм, идеализирующий бытие, мог привести к краху человека при столкновении с этим бытием, то Юрий Поликарпович представлял читателю другую реальность. «Эта реальность — иррациональна и мифологична до последней точки»¹, как сама «стихия» — рокошущая, с перепадами давления, перемещениями воздушных потоков. Таким был и голос Юрия Кузнецова — глубинный бас, срывающийся на свист, протестующий, решительный и волевой. Символичное название было и первой книги моего земляка, которая вышла в 1966 году в Краснодаре: «Гроза». По мнению майкопского литературоведа Кирилла Анкудинова, любимым словом у Юрия Поликарповича было «стихия». Другим излюбленным и многоликим символом, строящим стиховое пространство поэта, по мнению Владимира Смирнова, была «бездна». Именно в этой бездне исчезла советская Атлантида — великая боль автора, исчезла в разгуле все той же стихии.

Совсем недавно подсчитала, сколько же лет тогда было Юрию Поликарповичу, и с большим удивлением пришла к цифре 35! Приблизительно столько лет было в ту пору известному, уже состоявшемуся поэту. Он был не похож на сегодняшних желторотых юнцов, которые в растерянности стоят перед закрытыми воротами жизни.

Он знал, чего хотел, и в своей целеустремленности был неуправляем. Наверное, детские впечатления бывают гипертрофированы, а может, это исходило от глубинного баса или уровня духовного развития, но наш гость тогда мне казался огромных габаритов и очень почтенного возраста. Помню, как мне пришлось его обходить, когда мама попросила принести то, что стояло за ним. Я чуть не пошла по мебели, чтоб не задеть Поэта. И сейчас не могу смириться с мыслью, что Юрий Поликарпович никогда не страдал избытком веса и был только на 20 лет старше.

Когда произошла первая встреча с Юрием Кузнецовым, то мой интерес к литературе в то время закончился. Закончился открытой раной, которая долго не заживала. Дело в том, что года за три до той знаменательной встречи, я написала стихи — трогательные строчки о войне, благодарность нашим ветеранам за выстраданную победу. Их отослала в редакцию «Пионерской правды», откуда мне пришел ответ: «Девочка, пиши о том, что видишь». Мы жили еще в старом доме, я стояла возле куста винограда, который далее сплетался с диким виноградом, и плакала горько, навзрыд. Несмотря на успокоения матери, все-таки была убеждена: жизнь закончилась. И она действительно закончилась на тот момент для меня как для творческого человека. Еще ранее писала рассказы, созвучные «Тимуру и его команде», даже пробовала в свои то годы написать роман! Но после того злополучного письма тяга к перу просто не возникла.

В то время, когда у нас останавливался Юрий Поликарпович, у меня были другие герои — сопливые одноклассники с разбитыми носами. Они были для меня выше и значительнее творчества нашего земляка, известных писателей, и о стихах как таковых не думалось. Писать начала после рождения дочери, исполнив, так сказать, свой долг перед природой. Да и не писать не могла, видимо, это передалось от моих родственников (дядя — Сумашедов Борис Владимирович — был начальником отдела в

¹ Анкудинов К. Напролом, М., Новый мир, № 2, 2005, С. 140.

«Советской культуре», писал стихи; сейчас, выйдя на пенсию, пишет роман; другой родственник — Александр Степанов — бывший журналист саранского радиовещания). В декретном отпуске я начала сочинять юмористические рассказы для эстрады, поднимая тем самым себе настроение после последствий чернобыльской аварии, отразившейся на дочери. А стихи пришли ко мне в реанимации, где довелось после операции пролежать целую неделю. В холоде белых стерильных стен нельзя было писать и читать. Я складывала в уме строки и в отсутствие медсестры доставала из-под подушки блокнот и быстро записывала. Самое интересное, но стихи были опять о войне! Возможно, сама атмосфера бинтов и повязок навеяла огневые события фронтовых лет. Свои поздние строки долго никому не показывала, может быть, поэтому до сих пор пишу...

Погостив у Матери с недельку, Юрий Поликарпович уехал. Больше в Тихорецке своего выдающегося соседа не видела. В стихотворениях «Кубанка», «Ребрышко», «Отпущение» и других Юрий Поликарпович вспоминает Кубань, родной город Тихорецк.

О, город детства моего!
О, трепет юности печальной!
Прошла, как искра, сквозь него
Слеза любви первоначальной.

На смену поэту через какое-то время за стенкой появилась его дочь Аня. Девочка была очень слабой, плохо переносила детский сад, и бабушка с радостью брала внучку на зиму к себе, освобождая тем самым родителей, занятых на работе. Раисе Васильевне было весело с внучкой, но с возрастом она уже не могла справиться с живой, озорной девочкой, чувствовалось, что Юрий Поликарпович ни в чем не ограничивал свою дочь. Наша разница в возрасте была около 10 лет. К тому времени я уже не играла на детской площадке, и как таковых отношений у нас не завязалось.

Не могу не привести очень эмоциональное, трогательное стихотворение «Плач дочери».

В угол забилась и плачет...Что делать, не знаю.
В горле стучит. Я с трудом свое сердце глотаю.
Кто оскорбил? Кто обидел? Не слышно ответа.
Катятся слезы, бегут по ту сторону света.
«Дочка, не плачь!..» — «Уходи!» — говорит, обнимая.
Как мне уйти? Я всегда уходил, понимая.
Что понимать? Что мое понимание значит?
Боже, мне больно, скажи, отчего она плачет?..

Видела мельком несколько раз и его жену Батиму. Муза поэта — южанка, другой национальности, культуры — казашка, очень образованная и эмансипированная женщина. Она и сейчас работает переводчицей в Верховном Суде, знает много языков, с трепетом охраняет наследие Юрия Поликарповича, является продолжателем его дела.

Я жену схватил издалека,
Из пустот азийской сердцевины.
И была легка моя рука,
Что держала горы и долины...

Выбор Поэта был неслучайным. М. Эпштейн в книге «Природа, мир, тайник вселенной...» обнаружил общие черты между Юрием Кузнецовым и Павлом Васильевым — «врожденную тягу к дикой и пустынной природе русской Азии» и «хищный склад... лирического героя». Именно лирика перетянула Юрия Поликарповича в «европейские поэты». Но необузданность и яростное проявление чувств ощущается во

всем, особенно в отношениях между мужчиной и женщиной. Крайне ярко это выражено в стихотворении «Кость»: «Грызла меня словно царскую кость во плоти...». И опять почему-то вспоминается его голос, похожий на голос дикого зверя.

Вторая встреча с Юрием Поликарповичем произошла в его рабочем кабинете на Цветном бульваре незадолго до моего поступления на Высшие литературные курсы. Это было 29 марта 2000 года. Между этими двумя встречами бездна времени — интервал 25 лет, четверть века! Как все-таки стремительно мчится время! Сколько лет хотела встретиться со своим земляком, поинтересоваться его мнением о творчестве! Даже узнала, где Юрий Поликарпович работает — в журнале «Наш современник», адрес редакции, но все текучка, круговорот событий оттягивали нашу встречу. И вот, оставшись на какое-то время без работы и имея возможность свободного передвижения, решила отыскать своего бывшего соседа. К тому времени Раисы Васильевны уже не было. Прожив в нашем доме лет пятнадцать, она переехала к дочери в Новороссийск, но свой прах завещала тихорецкой земле, где в настоящее время и покоится. К сожалению, мы не знали о смерти Раисы Васильевны, и поэтому проводить ее в последний путь не могли.

Надо сказать, что на встречу с Юрием Поликарповичем я шла исполненная возвышенных чувств, но более всего страха: вдруг не узнает, вдруг не будет времени для разговора. Да и о чем ему, столичному литератору, со мной, неизвестной поэтессой, разговаривать? Юрий Поликарпович встретил меня с некоторой настороженностью. На этот раз Юрий Поликарпович не показался мне огромным, я даже не узнала его. Но глаза... Мягкие и добрые карие глаза его матери говорили, что я нашла того, кого искала. Все, кто видел Раису Васильевну, признают, что Юрий Поликарпович был очень похож на свою маму.

Конечно же, поэт не помнил, у кого четверть века назад останавливался, не помнил и меня, пухлощекую девчонку. Когда я заговорила о его маме, взгляд его заметно потеплел, он оживился и с жадностью начал впитывать каждое слово. Поскольку отец Юрия Поликарповича погиб во время войны и поэт его не помнит, то мать для Юрия Кузнецова была всем. Это единственно близкий человек, который был всегда рядом, который открывал этот мир, поддерживал в трудную минуту и окрылял. Юрий Поликарпович видел, как трудно было матери поднимать детей, как переживала она за них, и поэтому он с таким теплом и заботой относился к Раисе Васильевне. Я думаю, он крайне редко вот так волновался при встрече с женщиной, как в тот час при встрече с воспоминаниями об ушедшей матери. Как сейчас вижу глаза, на которые упала влажная поволока, а в руках заметно задрожала извечная сигарета. Мне тогда показалось, что мой земляк много курит. Он прикуривал от недокуренной сигареты и только выкурив подряд 2–3 сигареты, делал небольшой перерыв.

Конечно, ему хотелось знать, как жила Раиса Васильевна в последние годы, как относились к ней соседи, хотя к ней нельзя было относиться плохо. Он погружался в свои воспоминания с тем рвением, в котором было то же природное, «дикое» начало, которое никак не состыковывалось с его внешней статичностью. И в этом я уловила что-то недосказанное, что нельзя выразить словами, но что очень беспокоило, мучило уже состоявшегося поэта. Казалось, для него открытие этой далекой тайны — как решение третейского суда: быть или не быть. И смысл того непрозвучавшего вопроса состоял в том: верила ли в него мама как в поэта? Я ни родственник, ни соратник по перу, просто нейтральный человек, которому постороннее яснее видится, поэтому Юрию Поликарповичу так важно было, что я скажу по этому поводу. Настолько велика и жизненно необходима, как глоток воздуха, была вера матери в его силы.

Я хотела рассказать, что Юрий Поликарпович был для нее ребенком, и в первую очередь хотела, чтобы он был хорошим человеком, чтобы благополучно сложилась его жизнь, семья, работа. Раиса Васильевна как никто другой больше знала о сыне, нежели люди, рассуждающие о нем, и поэтому она уходила от разговоров. Мать от-

носила к сыну прежде всего как к человеку, а потом — как к Поэту. Но, видимо, это затронуло Кузнецова, и он самым неожиданным для меня образом с присущей этому человеку силой «завелся».

Самые сокровенные чувства к матери Юрий Поликарпович выразил на четырех страницах стихотворения «Отпущение». Поэт как бы прозревает, острее чувствует окружающее, и мир раскрывается с другой стороны. Вот что пишет об этом стихотворении Николай Дмитриев: «Стихотворение «Отпущение», на мой взгляд, вообще лучшее, что есть в поэзии на тему прощания с матерью. Здесь явлено высшее дозревание души». Приведу только несколько строф этого стихотворения.

...Я знал прекрасных матерей,
Но мать моя была прекрасней.
Я знал несчастных матерей,
Но мать моя была несчастней.

Еще в семнадцатом году,
В ее младенческие лета,
Ей нагадали на звезду,
Ей предрекли родить поэта.

...Повесив голову на грудь,
Я ощутил свой крест нательный.
Пора держать последний путь
На крест могильный, сопредельный.

На помощь волю я призвал,
Над прахом матери склонился.
Прости! — и в лоб поцеловал...
И гроб в могилу опустил.

...Зияла огненная высь,
Вбирая холод подземельный.
Сошлись и снова разошлись
Могильный крест и крест нательный...

После воспоминаний о матери во время нашей второй встречи мы заговорили о детях. Юрий Поликарпович видел, как мать воспитывала его, теперь он понял, что такое для матери дитя. Лицо его разгладилось и даже помолодело. Оказывается, с большим отрывом от первой дочери у него родилась вторая. Чем он был несказанно горд — это званием Отца. О детях говорил как-то шаловливо, предоставляя им полную свободу, которая сродни самой природе. Недавно узнала, что дочерей Юрия Поликарповича зовут как и моих — Катя и Аня. И в этом я усмотрела знак свыше.

Возвращаясь домой электричкой, всю дорогу перебирала в памяти нашу встречу. Я была поражена эрудицией своего земляка, предметным видением жизни, отношением к поэзии. Я хотела понять, что такое поэзия для Юрия Поликарповича, понять и себя в разговоре с ним, понять «провинциального парня, который, как подсолнух созрел в глуши кубанских степей», как он сумел подняться на поэтический Олимп, как складывалась его поэтическая дорога. В руках у меня был подарок — последняя книга поэта «Русский зигзаг» с дарственной надписью: «Наташе Лосевой на добрые воспоминания о Тихорецке. Сердечно. Юрий Кузнецов. 29.03.2000 г.». А также свежий номер «Нашего современника» и автограф на старой книге «После вечного боя», приобретенной у нас в глубинке. Вспомнилось, как будучи в отпуске у родителей, зашла в соседний дом — «Мир книг». У входа остановилась как вкопанная — прямо на меня с обложки строго и требовательно смотрело знакомое лицо. Ему было лет 45, но взгляд поэта был очень глубок, как и его стихи, заставил трепетать. Больше всего в тот день мучила и даже жгла благодарственная надпись: «Автор сердечно благодарит... гражданку Венесуэлы... за участие в издании книги». В былые времена книги Ю. Кузнецова выпускались в лучших издательствах страны, таких как «Советский писатель», про-

давались тысячами тиражами, а сейчас — за счет спонсора, да к тому же иностранного. Было больно за нашу литературу, за своего земляка, и эта боль с годами лишь усилилась.

Конечно же, я не могла не дать стихи своему бывшему соседу и, с трудом дождавшись условленного времени, с робостью провинциалки вновь позвонила в редакцию. Что поделаться, мои стихи не понравились Юрию Поликарповичу. Но к тому времени я уже прошла школу ремесла: возможно, стихи не соответствовали его пониманию поэзии, возможно, не те стихи ему были предложены.

В 2001 году решила поступать на Высшие литературные курсы. По роду своей журналистской работы, я подала заявление на критику, в семинар Гусева В.И. — и, к моему удивлению, была принята. Обучаясь в институте, мы часто встречались с Юрием Поликарповичем, и я даже два раза побывала на его семинарах. Какие это были семинары! На них ходили даже заочники, у которых была такая житейская возможность. Столько информации за один семинар мне никогда ранее не удавалось почерпнуть. Юрий Поликарпович цитировал наизусть классиков, удивляя всех безупречной памятью, перекидывал мосты в другие века и континенты, и главное — заставлял своих учеников думать, анализировать. Поскольку, по определению Кирилла Анкудинова, поэт относился к направлению «мифо-модернизм», то на занятиях, как из рога изобилия, сыпались мифы народов мира, которые он впитал еще в детстве, и мифы поэтов мира, которые он постиг уже в юности. Мифы были его движущей силой, его несущим парусом.

На семинарах атмосфера была крайне демократичной, дебаты при присущей эмоциональности и упрямстве Юрия Поликарповича оказывались крайне острыми, не уступали и ученики. Тяга к курению Юрия Кузнецова и здесь давала о себе знать, и он, как мальчишка, прося разрешения у студентов, затягивался прямо в аудитории, выпуская дым под стол кафедр.

Лекционные, теоретические занятия раз в месяц сменялись практическими — разбором стихотворений. Не все студенты выдерживали критику мастера, а критика была очень жесткая. Высокая планка оценки была рассчитана на профессиональных поэтов, которых хотел вырастить Юрий Поликарпович. В стихотворении «Классическая лира» он признается:

В другие руки передать
Пора классическую лиру...

Но, к сожалению, Юрий Поликарпович не мог, как ему казалось, найти себе достойную замену.

Увы! Куда ни погляжу —
Очарованье и тревога.
Я никого не нахожу:
Таланты есть, но не от Бога.

Печальное известие о смерти Поэта мне поведал Михаил Григорьевич Петров в редакции журнала «Русская провинция», спустя несколько дней после похорон. Я была очень огорчена этим скорбным сообщением, тем, что не пришлось проводить Юрия Поликарповича в последний путь, бросить горсть земли на его могилу. А еще была более возмущена тем, что ни ТВ, ни радио не сообщили об этой национальной утрате. А ведь он был настоящим достоянием русского народа.

Вот лишь несколько воспоминаний его современников.

Из некролога в журнале «Наш современник», подписанном 47 известными писателями страны: «Мы — чтившие его — поэта, любившие его — человека, преклонявшиеся перед его поэтическим даром, — всегда знали, какую духовную брань он ведет с силами зла в пространстве «между миром и Богом». И сам он казался вечным в бесконечности этой брани... В этом отношении его с полным правом можно назвать

первым поэтом русского Воскрешения». «Гений остается в Вечности. Нам лишь — делать осторожные шаги по его следам, по его «вечному снегу», понимая временами — «ни вперед, ни назад, хоть убей»», — Сергей Куняев. «Это правда — он был центром нашего мира. И не только литературного. Но человеческого, по преимуществу. Его стихи были нашей геополитикой. Его прозорливость — нашей стратегией», — Лариса Баранова-Гонченко. Евгений Юшин: «Чувствую, что пока не осознаем, что потеряли. Мы осиротели. Но знаем, что потеряли оберег».

А вот мнения поэтов. Владимир Костров:

Нет теперь в Отечестве кумира,
В опустевшем доме нет огня...

Олег Кочетков:

Невозможное слово — пророк.
Но он был этим самым пророком.

А это слова Кирилла Анкудинова: «Отечественным специалистам пора проснуться и обратить внимание на наследие Кузнецова (русского Йейтса), — иначе иностранцы их опередят, поскольку интерес к мифо-модернизму — одно из самых актуальных культурных веяний нашего времени». Мифологи всего мира проводят международные конференции и симпозиумы, посвященные Йейтсу, его читает молодежь, увлекающаяся «нью-эйджем», его цитируют американские публицисты.

И очень хорошо, что по творчеству Юрия Поликарповича проходят конференции, на них присутствуют не только ученые, но и поэты, переводчики и просто почитатели его творчества. Имя Юрия Кузнецова объединяет людей, объединяет города и регионы.

